

4. Саймак Кл. Большая уборка на Солнце. Дом на берегу / Клиффорд Саймак. – М. : Эксмо, 2005.

Бухаров А.

Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,

канд. филол. наук, доцент

Челябинский государственный

педагогический университет

Р.М.РИЛЬКЕ И Б.Л.ПАСТЕРНАК: ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Влияние Райнера Марии Рильке на творчество Бориса Леонидовича Пастернака – вопрос более сложный, чем может показаться на первый взгляд. И дело не только в сложности поиска в произведениях русского поэта отсылок к личности немецкого классика. Рильке посвящена автобиографическая повесть «Охранная грамота», важная веха в становлении Пастернака-прозаика. Под «охранной грамотой» подразумевается официальный документ (к составлению подобных поэт имел непосредственное отношение в период работы в Государственном управлении по делам культуры), выдававшийся владельцам для сохранения помещений и личного имущества, в том числе предохранявший от экспроприации принадлежавших им художественных ценностей. Сохранение каких ценностей в это время было так важно для Пастернака можно видеть из самой повести. Речь идет прежде всего об охране независимости внутреннего мира поэта, его воспоминаний о Рильке и Толстом, Скрябине и Маяковском.

Именно из «Охранной грамоты», открывающейся уважительным посвящением, мы узнаем об обстоятельствах знакомства Пастернака с Рильке:

Жарким летним утром 1900 года с Курского вокзала отходит курьерский поезд. Перед самой отправкой к окну снаружи подходит кто-то в черной тирольской разлетайке. С ним высокая женщина... Поэтому тут, на людном перроне, между двух звонков, этот иностранец кажется мне силуэтом среди тел, вымыслом в гуще невымысленности. [1, 149]

Этот образ незнакомца, говорящего на столь близком Пастернаку немецком со столь же неясным австрийским акцентом, и становится той необходимой точкой отсчета, с которой автор начинает свой рассказ. Для него эта встреча – яркое воспоминание детства (Пастернаку всего 10 лет), и, что особенно важно, знак судьбы, в который он поверил несколько позже, но поверил навсегда.

Но еще больше времени прошло, пока я однажды понял, что их (стихов) автор, Райнер Мария Рильке, должен быть тем немцем, которого давно как-то, летом, мы оставили в пути на вертящемся отрыве забытого лесного полустанка. Я побежал к отцу проверять догадку, и он её подтвердил, недоумевая, почему это так могло меня взволновать. [1, 158]

Рильке ехал тогда со своей подругой, поэтессой Лу Андреас-Саломе в Ясную Поляну, чтобы осуществить своё давнее намерение – навестить Льва Толстого. Эта мимолетная встреча окажется в жизни Пастернака единственной.

Знакомство с поэзией Рильке произошло много позже – в 1910 году, в очень важный и, как оказалось впоследствии, решающий момент в становлении личности русского поэта. Талантливый музыкант, усвоивший все предметы композиторского факультета консерватории, кроме оркестровки, находящийся под большим влиянием личности Скрябина, успешный студент философского отделения историко-филологического факультета Московского университета, Пастернак пока только пробует свои силы в поэзии. И, конечно, оказывается увлечен, как, пожалуй, и все даже мало-мальски одаренные студенты вокруг него, Серебряным веком. Это его окружение, вполне в духе времени, организует литературный кружок «Сердарда», в который, помимо Пастернака, вошли Константин Локс (впоследствии – переводчик Бальзака, Мериме и Стендаля), Борис Садовский, Юлиан Анисимов, переводчик и художник, который, возможно, и познакомил поэта со стихами Рильке:

В один из ближайших вечеров, отправляясь на собрание «Сердарды», пьяного сообщества, основанного десятком поэтов, музыкантов и художников, я вспомнил, что обещал принести Юлиану Анисимову, читавшему перед тем отличные переводы из Демеля, другого немецкого поэта, которого я предпочитал всем его современникам. И опять, как не раз уже и раньше, сборник «Mir zur Feier» очутился у меня в руках в труднейшую мою пору и ушел по слякоти на деревянный. [1, 158]

Справедливости ради нужно отметить, что увлечение Рильке в Московском университете в то время было сродни эпидемии, что выразилось, в частности, в издании еще при одном московском кружке сборника «Часослов» в переводе самих студентов. Переводов Пастернака среди них не было, хотя именно в это время переводы из Рильке появились на полях его университетских тетрадей. Переводы эти, к сожалению, не сохранились, в отличие от тех четырёх, что были выпущены вместе с «Охранной грамотой» и были более поздними. Но самое главное уже произошло: Пастернак был навсегда ошеломлен совершенно новой для него поэтической системой Рильке.

Чем замкнутее производящая индивидуальность, тем коллективнее, без всякого иносказания, её повесть. Область подсознательного у гения не поддается обмеру. Её

составляет всё, что творится с его читателями и чего он не знает. Я не дарю своих воспоминаний памяти Рильке. Наоборот, я сам получил их от него в подарок. [1, 159]

Чему учился у Рильке Пастернак станет ясно из его стихотворных сборников, которые появятся впоследствии: в 1914 – «Близнец в тучах», в 1922 – «Сестра моя – жизнь» и «Темы и вариации».

Поводом же для личного знакомства поэтов (если рассматривать переписку как личное знакомство) послужило поздравительное письмо отца поэта, Леонида Осиповича, отправленное Рильке по случаю его 50-летнего юбилея. Письмо это должно было возобновить их прерванную долгой разлукой дружбу и одновременно передать то восхищение и поклонение, которые вызвали в Пастернаке-сыне стихи обитателя санатория Валь-Мон:

Если бы Вы знали, как мои дети любят каждую Вашу строфу, каждую строчку Вашу! Особенно мой старший сын – Борис – прославившийся и ценимый в России молодой поэт – Ваш самый горячий поклонник, Ваш самый серьёзный и искренний ценитель – пожалуй, Ваш ученик и один первых пропагандировавших Ваши творения, когда в России Вас ещё не знали. [3, 46]

Ответ Рильке определил очень многое. Пастернак в это время находился в тяжелом положении. Задуманные им поэмы о времени, пишущиеся к юбилею сразу двух революций – «1905 год» и «Лейтенант Шмидт», продвигались медленно и тяжело. Новые стихи рождались мучительно. И вдруг – письмо отца...

...Вот я получил огромное содержательное и радостное его ответное письмо, радостное потому, что он о тебе, Боря, с восторгом пишет... [3, 49]

Борис Пастернак был, как громом, поражен этими словами. В период острой творческой неудовлетворённости и тоски, на фоне московской бытовой неустроенности, известие о том, что Рильке жив (а в это время распространился слух о его смерти, причем не только в плохо информируемой Москве 1920-х, но и в Европе) и знает о его существовании, прозвучало для него словно голос самой судьбы, напомнившей, что и после крушения довоенной Европы духовная жизнь сохранилась в высших своих проявлениях и в разделенном мире существует культурная всеобщность. Впечатление это запомнилось Пастернаку навсегда. Он вспоминал о нем в неопубликованном послесловии к «Охранной грамоте», написанном в форме посмертного письма к Рильке:

Теперь с волнением читая отцово сообщение о Вашем пятидесятилетии и о радости, с какой Вы приняли его поздравление и ответили, я вдруг наткнулся на тёмную для меня тогда ещё приписку, что я каким-то образом известен Вам. Я отодвинулся от стола и встал. Это было вторым потрясением дня. Я отошёл к окну и заплакал.

Я не больше удивился бы, если бы мне сказали, что меня читают на небе. Я не только не представлял себе такой возможности за двадцать с лишним лет моего Вам поклоненья, но она наперед была исключена, и теперь нарушала мои представленья о моей жизни и её ходе.
[1, 788]

Пастернак, конечно, не имел понятия о том, что уже был известен в Европе. Между тем, некоторые его стихи уже были переведены, например, Еленой Извольской на французский язык и напечатаны в журнале «Коммерс», издаваемом Полем Валери. Зато об этом факте было известно Рильке, на что он указывает в ответном письме Леониду Осиповичу. Само же это послание, которое так нетерпелось заполучить Пастернаку и которое несколько позднее было переписано и отправлено ему отцом, и впрямь содержало высокую оценку учителя:

...И с разных сторон меня коснулась ранняя слава Вашего сына Бориса. Последнее, что я пробовал читать, находясь в Париже, были его очень хорошие стихи... [3, 47-48]

Такой подарок судьбы всколыхнул Пастернака. С новой силой почувствовал он значение для него поэтического гения Рильке. Следствием происшедшего стала высокая творческая активность, что подтверждают строки из письма к А.А.Ахматовой: «Было несколько радостных сообщений из-за границы. Потянуло работать». [2, 185] И уже как акт творчества, сопоставимый с лирикой, воспринимается письмо Пастернака к своему кумиру:

Великий обожжаемый поэт!

...Я обязан Вам основными чертами моего характера, всем складом духовной жизни. Они созданы Вами. Я говорю с Вами, как говорят о давно прошедшем, которое впоследствии считают истоком происходящего, словно оно взяло оттуда своё начало. Я вне себя от радости, что стал Вам известен как поэт, - мне так же трудно представить себе это, как если бы речь шла о Пушкине или Эсхиле.

...Неожиданно и в который уже раз я ощутил, каким откровением вы для меня стали. Я забыл, что чувства, которые простираются на годы, возраст, разные местности и положения, не могут поддаться внезапной попытке охватить их одним письмом... Я люблю Вас так, как поэзия может и должна быть любима, как живая культура славит свои вершины, радуется им и существует ими... [2, 181-182]

Цитируемое письмо примечательно ещё и тем, что в свою очередь породило переписку Рильке и Цветаевой. Восторженное послание не могло остаться без ответа. Небольшое по объёму письмо, которого Пастернак, по его же словам, «и в сотой доле не заслуживал», тем не менее имеет огромную ценность, прежде всего, как признание немецким гением заслуг своего ученика:

Как мне благодарить Вас: Вы дали мне увидеть и почувствовать то, что так чудесно преумножили в самом себе. [3, 102]

Слова Рильке о «преумножении» могут быть истолкованы как признание блестящего дарования Пастернака, в чьих стихах и мыслях немецкий поэт не мог не обнаружить следов своего влияния.

Письмо это Пастернак ценил настолько, что не расставался с ним ни в одной из своих многочисленных поездок. После смерти поэта оно было обнаружено членами его семьи в его пиджаке, в бумажнике, в небольшом конверте с надписью «Самое дорогое». Ещё один листок из того же конверта был исписан по-немецки Цветаевой отрывком из письма Рильке к ней: «Я так потрясён силой и глубиной его слов, обращенных ко мне, что сегодня не могу больше ничего сказать: прилагаемое же письмо отправьте Вашему другу в Москву. Как приветствие».

Смерть Рильке застала Пастернака за возобновившейся работой над поэмой «Лейтенант Шмидт», по окончании которой поэт предполагал отправиться в Европу для долгожданной встречи с учителем, но не успел. Последние главы поэмы он дописывал под сильным впечатлением от крушения надежд. Но именно смерть Рильке дала толчок для написания очень значимой для Пастернака автобиографической повести «Охранная грамота», которая изначально виделась автору как статья о великом немецком поэте:

Тогда ближайшей моей заботой стало – рассказать об этом удивительном лирике и об особом мире, который, как у всякого настоящего поэта, составляют его произведения. [3, 228]

Когда же повесть, наконец, была закончена в 1931 году, для Пастернака острейшей заботой стала не только её публикация в России, но и перевод её на другие языки для издания в Европе. Пастернак был уверен в успехе. Повесть была его исповедью и посвящением тем, без чьего влияния он не смог бы сформироваться как поэт. И первым в этом ряду стоит Райнер Мария Рильке.

Уже будучи признанным мэтром литературы, автором удостоенного Нобелевской премии романа «Доктор Живаго», подводя итог своей творческой деятельности, Пастернак писал М.Окутюрье в 1959 году о Рильке: «Я всегда думал, что в своих собственных попытках, во всём своём творчестве я только и делал, что переводил и варьировал его мотивы, ничего не добавляя к его собственному миру...» [2, 644]

Литература:

1. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. - М.: Художественная литература; Т.4: Повести. Статьи. Очерки. – 1991. – 910 с.
2. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. - М.: Художественная литература; Т.5: Письма. – 1992. – 703 с.
3. Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. – М.: Книга, 1990. – 255 с.